

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ

О.А. Лавшук, Е.А. Болтовская
(Могилев, Беларусь)

Статья посвящена выявлению ключевых образов русской культуры, находящихся свою экспликацию в текстах современных русскоязычных поэтов через прецедентные имена собственные. Отмечается, что для современной русскоязычной поэзии Беларуси характерно культурологическое расширение сознания поэтов, их тяга к культуре прошлых времен, обусловленная разочарованием в современной действительности и обществе.

Русскоязычное литературное творчество рубежа XX–XXI вв. в Беларуси представляет собой взаимодействие культур, их диалог, что является благоприятной основой для развития межнациональных отношений. Находясь в поле фольклорных и мифологических семейных преданий, воспоминаний, обычаев, аксиологии, религиозных мифологем, писатели Беларуси по-русски создают «инотекст», выступая комментаторами, толкователями, посредниками между двумя ментальностями: «своей» и «чужой». Таким образом, изучение роли иной национальной культуры представляется особенно интересным с точки зрения проблемы поисков духовной, национальной идентичности, формирования этнического самосознания.

Культурно-исторический подход к анализу произведений исходит из того, что культура – один из ключей интерпретации произведения, которое неизбежно возникает на основе определенной культурной традиции и в ее русле осуществляется. Значащая единица художественного текста может быть понята только в культурном контексте. Культура дает код, позволяющий прочесть, понять произведение. Необходимость исследования литературы в связи с историей культуры всегда (начиная с культурно-исторической школы русского академического литературоведения) воспринималась филологической наукой как насущная потребность: «Литература, – отмечал М.М. Бахтин, – неотрывная часть целостности культуры, ее нельзя изучать вне целостного контекста культуры» [1, 344]. Российский ученый В.А. Луков предлагает культуру того или иного народа, региона, индивида описывать через понятие «тезаурус» – «структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект, при этом тезаурус структурирован таким образом, что в центре его находится «свое», на периферии – «чужое» и «чуждое», а на границе – особая мембрана, пропускающая любую информацию извне через призму «своего» – «чужого» – «чуждого» [4, 85]. Исследователь вводит новый культурологический термин – «взаимоотражение», понимаемый им как особая форма диалога культур: «взаимоотражение в наиболее общем виде описывает ситуацию встречи двух тезаурусов, ту форму, которую приобретает их диалог, последствия этого диалога» [4, 85]. Культурологическая составляющая стала в современной науке органической частью историко-литературных исследований, хотя установление связей литературы и культуры осуществляется в них по-разному. Сегодня, как считает А.В. Михайлов, «все науки о культуре, а в первую очередь (быть может) теоретически ориентированная наука о литературе, по-настоящему ощутили свою зависимость от знания ключевых слов культуры, от знания их в конкретной истории, от знания, без овладения которым дальнейшие успехи этих наук едва ли вообще возможны» [5, 537].

Ключевые слова культуры по сути являются словами-концептами, обозначающими аксиологически ориентированные явления той или иной национальной культуры. Высказанная теоретиками и историками литературы идея «ключевых слов культуры» перекликается с рассуждениями исследователей-лингвистов о ключевых словах, концептах и идеях русской языковой картины мира, среди которых наиболее часто называют такие, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*. А. Вежицкая указывает на особую значимость ключевых слов для отдельно взятой культуры: «принцип, связывающий лексический состав языка и культуры, – это принцип ключевых слов», они «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [2, 283–284]. Понятие культуры в данном случае обозначает «исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собой и на основе которых фиксируются и развиваются их знания о жизни и жизненные установки» [2, 43]. Литературные константы, безусловно, соотносятся с ключевыми словами, именно поэтому для их выявления и анализа во многих лингвистических исследованиях используются художественные тексты.

В качестве материала для изучения ключевых образов культуры и их роли в формировании картины мира современных русскоязычных авторов Беларуси выбраны художественные произведения русскоязычных поэтов, размещенные в составленной А. Аврутиным в 2003 году антологии «Современная русская поэзия Беларуси», которая является первой в отечественном литературоведении попыткой максимально широко представить творчество современных русских поэтов Беларуси за два предшествующих десятилетия. Для творчества многих поэтов, чьи стихотворения включены в антологию, характерна «погруженность» в культуру. Причем здесь мы можем говорить о своеобразии преломления культурных моделей, транслируемых русской, белорусской и зарубежной литературами. Это дает основание для конструктивных поисков своей идентичности личностью, оказавшейся в зоне активного взаимодействия разных культур.

Поэтическая модель мира обладает универсальными свойствами, одновременно раскрывая особенности национального менталитета и культуры и обнаруживая индивидуально-авторские способы интерпретации образов окружающей действительности в текстовом пространстве. Для современных русскоязычных поэтов Беларуси характерно почтительное обращение к русской поэтической традиции как к знакомому наследию богатой русской культуры, поэтому одним из важных фрагментов их картины мира, который получает наиболее явное отражение в системе поэтических ориентиров, культурных установок, являются образы русских поэтов

и писателей. В круг тем, наиболее важных для осмысления белорусскими авторами, входит, главным образом, русская классическая литература золотого и серебряного века, литература советского периода. Это положение подтверждается обращением к знаковым именам русской культуры в названиях многих стихотворений: «Александр Сергеевич Пушкин...» И. Поглазова [6, 128], «Блок» М. Шелехова [6, 186], «Надгробье Анны Ахматовой» К. Михеева [6, 107], «Цветасва!..» Е. Каменевой [6, 78], «Памяти Александра Твардовского» Ф. Ефимова [6, 65], «Раскрытый Тютчев... Смятая кровать...», «Век серебряный... Без суесловия...», «По России Пушкина и Блока...», «Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...» А. Аврутина, «М. Лермонтов — томик потропанный...» Л. Турбиной [6, 168]. В мире культуры поэтам дороже всего те символические личности, с которыми они ощущают внутреннее родство.

Образы культуры по-разному становятся компонентами картины мира русскоязычных поэтов Беларуси. Это может быть и упоминанием precedentного имени в тексте: А. Пушкин, И. Бродский («У меня специальности нет...» Е. Казанцевой) [6, 78], А. Фет («Мне нравится этот поэт...» Д. Симановича) [6, 144], А. Блок («Всю ночь скрипело по бумаге...» В. Деркача) [6, 53], Ф. Тютчев, И. Тургенев («Не для славы, не для денег...» Г. Трестмана) [6, 165], Ф. Достоевский («Что там в Питере? Дождь, вероятно...» Т. Лейко) [6, 95], С. Есенин («Заблудилась в весне» Э. Равич) [6, 134]; и указанием на precedentное имя через посвящение, эпиграф, название художественных произведений или имена героев произведений русских авторов: стихотворение «Осеннюю ветку раскинулись рельсы...» И. Поглазова посвящено Б. Пастернаку [6, 128], «Путник» Э. Прибыльско — Н. Рубцову [6, 133], памяти А. Введенского посвящена «Баллада о безымянном конвоире» В. Чернявского [6, 179–183]; цитаты из произведений А. Фета являются эпиграфами к стихотворениям «Любимая» А. Мельникова [6, 104], «В марте» В. Спринчана [6, 152]; в стихотворении «Рудин» Л. Турбиной описываются «лишние русские люди», и главным среди них признаётся Рудин, а не Онегин или Печорин [6, 168], в стихотворении «Осень в провинции» К. Михеева упоминается Иван Карамазов [6, 106] (отсылка к И. Тургеневу, А. Пушкину, М. Лермонтову, И. Гончарову, Ф. Достоевскому). Система интертекстуальных включений многих поэтических текстов отправляет читателя к «Слову о полку Игореве» («От набегов половцев...» Ю. Богданова [6, 34], «О русская земля, / Ты уже за холмами!..» В. Тростянского [6, 167]), В. Высоцкому («Топится банька по-черному» В. Гришковца [6, 48]), Г. Державину, А. Грибоедову, Ф. Тютчеву («Дым Отечества горек и едок...» в стихотворении А. Аврутина «Я настолько горбат...» [6, 10]), М. Лермонтову («Вдруг молвлю: «Ой ты гой еси!..» И. Котлярова [6, 84]), А. Ахматовой («Надгробье Анны Ахматовой» К. Михеева [6, 107], «Я больше не боюсь грешить...» А. Красовской [6, 87]) и др.

Пронизывающая поэтический текст интертекстуальность — это не только попытка раскрыть символику культурных концептов, но и ключевая метафора трагического состояния мира, демонстрирующая кризис культурного освоения мира. Одной из репрезентативных моделей современности предстает образ страны, мятущейся между прошлым и настоящим: «Разрушена страна. / Стою как на погосте» [6, 194]. Л. Яковенко в стихотворении «Возрождение» мучительно размышляет о

своей судьбе: «Я буду изгоем в родной стороне / За то, что в краю белорусском / Нелепое счастье даровано мне — / Меня воспитали по-русски» [6, 195]. После распада Союза многие поэты остались вне России, стали представителями «ближнего зарубежья», поэтому в текстах часто пробивается тема брошенности, оставленности: «О русская земля, / Ты за холмами!.. / Ушел на Запад медленный состав. / А он глядит, / Припав к оконной раме, / Быть русским гражданином перестав» у В. Тростянского [6, 167], Е. Агиной: «Разве есть где-нибудь в самом деле на свете Россия / Этой станции нет. Верстовые столбы не видны...» [6, 14]. А. Тропин с горечью размышляет о судьбе своих бывших соотечественников, оказавшихся в разных государствах после распада Союза: «Великие держава и народ, / Кто мы теперь? / Что с нами будет завтра? / Судить ни тех, ни этих не берусь — / Я не судья своим же братьям кровным. / Но вопиет во мне ежедневно Русь / Мольбой молитв и скрежетом зубовым» [6, 167].

Ощущая свою неправильность, раздвоенность, остро переживая разобщённость современной поэтической братии, многие поэты упрекают в высокомерии великую державу: «И на Восток глядеть / из Западного края!» («На русском костяке, точнее, на костях...» Т. Лейко) [6, 96]; «Я — твой поэт, Россия! / А ты мне: «Лимита!..» («Мне мутно от страха...» А. Павловской) [6, 122]; «Я неправильный русский поэт, / и душа у меня не на месте. / Я не знаю, кто правильным был. / Может, Пушкин, да питерский Бродский («У меня специальности нет...» Е. Казанцевой) [6, 78].

На фоне выдвижения на первый план ключевых образов русской культуры наблюдаются немногочисленные вкрапления белорусских precedentных для литературы имён: Я. Коласа (эпиграф к стихотворению «Прощай, прощай, Высокий берег...» Ю. Богданова) [6, 34], В. Короткевича — в стихотворении «Мне нравятся Владимир Семёныч!..» А. Сарапкина (следует отметить, что данный текст содержит двойное посвящение «Памяти В.С. Короткевича и В.С. Высоцкого, в судьбах которых было немало общего») [6, 141]), чаще встречаются посвящения поэтам-современникам: А. Аврутину («Я больше не могу молчать...» А. Павловской) [6, 124], Л. Шелег («Это всё было правда...» А. Павловской) [6, 124], В. Айзенштадту («Я как огонь вошёл в круг обнажённых женщин...» Д. Строцева [6, 155]). Мы заметили, что белорусский реминисцентный слой русскоязычной поэзии гораздо беднее, чем русский. Но это предмет другого исследования.

В отличие от доминирования ключевых образов русской культуры в лирике поэтов, представленных в антологии «Современная русская поэзия Беларуси», в творчестве К. Михеева органично уживается многообразие культурных традиций [см. 3]. Образный ряд стихотворений К. Михеева создает пространство культуры, в котором основными источниками интертекстуальных связей выступают Библия, произведения Гомера, многочисленные античные мифы, поэтическое наследие А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, И. Бродского, произведения Ш. Бодлера, А. Рембо, С. Малларме, Г. Аполлинера, Ф.Г. Лорки, Г. Тракля и многих других русских и зарубежных поэтов. Современные поэты Беларуси свободно чувствуют себя во

времени и пространстве, осознавая свою принадлежность человеческой культуре в целом, независимо от времени и места действия, будь то Древняя Греция, Париж, Петербург или современный Минск. Категории «время» и «пространство» обретают универсальный характер. Стихотворения «Сонеты Ренессансу», «Артуру Рембо, негоцианту», «Памяти Тракия: Гродек», «Европейские стансы», «Петербургские инвективы», «Millennium», «Последний Рим», «Византия», «Пророчество о Тире» и многие другие К. Михеева, «Письма» С. Евсеевой, «Гончар» А. Чёрной, «Нерон» А. Аврутина, «Итальянское каприччо» Н. Громоной превращаются в повествование о связи времен в истории человечества.

Современная русскоязычная поэзия Беларуси свидетельствует о том, что культурологическое расширение сознания поэтов, их тяга к культуре прошлых времен обусловлены разочарованием в современной действительности, в современном обществе и современной культуре.

Широкий состав средств и способов лексической экспликации образов русской культуры в исследуемых поэтических текстах позволяет говорить о её значимости в поэтической картине мира современных белорусских авторов, доказывает их преимущественную ориентированность на русскую художественную и национальную традицию.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
3. Лавшук, О. А. Моделирование культурного пространства в поэзии К. Михеева / У ракурсе сучаснага асэнсавання : міжжаф. зб. навук. прац : Філалогія. Вып. 5 ; пад рэд. А.А. Лаўшук. – Магілёў : УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2011. – С. 32–37.
4. Луков, В.А. Россия и Европа : взаимоотражения литератур / В.А. Луков // XX Пуришевские чтения : Россия в культурном сознании Запада : сб. статей и материалов ; отв. ред. М.И. Никола. – М. : МПГУ, 2008. – С. 84–86.
5. Михайлов, А.В. Из истории нигилизма / А.В. Михайлов. Обратный перевод : Русская и западноевропейская культура : проблемы взаимосвязей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 848 с.
6. Современная русская поэзия Беларуси. Антология / сост. А.Ю. Аврутин. – Мн. : УП «Технопринт», 2003. – 200 с.